

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

УТРО ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

В ЭТИ ДНИ вереницы автобусов, легковых автомашин, группы людей устремляются в Ясную Поляну. Сюда едут и едут из близких и дальних мест — со всего света. Вот и мне в который раз повеселилось влившись в говорливую толпу паломников к Толстому.

И все же хочется до потока экскурсий одному побыть в тишине заповедной земли. Вот они — столь знакомые белые округлые башенки ворот, некогда встречавшие хозяина, ныне указывают путь в Ясную Поляну. Еще не рассеялась белесая дымка утреннего тумана над водами Нижнего пруда, обрамленного ивами и вязами. Поднимаюсь вверх по знаменитому «Прешпекту» — березовой аллее, по которой въезжал в свою усадьбу герой «Войны и мира» князь Болконский.

Окинув взглядом видный сквозь кущи сирени жилой дом хозяина усадьбы, миновав каретный сарай и белый флигель, неспешно иду к Заказу, где покоится великий кудесник слова.

Чуть возвышается засыпанный цветами холм на краю обрыва под сенью кленов... Блики утреннего солнца, пробивающегося сквозь кроны деревьев, делают холм каким-то светлым, положенные тут пуанцовые розы необычно ярки. Пронзительная тишина. Лишь пение птиц нарушает безмолвие утра. Земля, небо и он — один... Впрочем, нет-нет, он не один: эта дорога к нему известна миллионам, и каждый новый день на холм ложатся свежие цветы. Вот и сейчас вижу, иду сюда взрослые и дети с ромашками в руках. В глубокой тишине стоят они у зеленого холма...

Он сам велел похоронить его тут, на отшибе в гуще деревьев, некогда посаженных его руками. Об этом говорит запись в дневнике 11 августа 1908 года: «...Чтобы никаких не совершали обрядов при захоронении в землю моего тела. Деревянный гроб, и кто хочет снесет или снесет в Заказ против ограга, на место зеленой палочки».

Подарив людям светлую сказку о волшебной палочке с секретом счастья, «закопанной» здесь, он и сам до последних дней оставался верен золотой мечте детства — хранил ее в сердце и всю жизнь искал пути к счастью человечества...

Утро этого дня было на редкость теплым и солнечным. После каждодневных дождей яснополянские сады заметно повеселели, кроны яблонь засияли спелыми яблоками. Наконец-то представилась возможность пройти подсохшими теперь дорогами и тропками, которыми некогда ходил и ездил на своем любимом коне Делюре Лев Николаевич. В этом пути по окрестным лесам и лугам, раскинувшимся живописными низинами и пригорками, меня сопровождала научный сотрудник Яснополянского музея-заповедника Светлана Николаевна Винокурова.

— Толстой любил лес, — говорит она. — Он знал тут каждое дерево, и сотни их посажены его руками. Вон там, на пригорке, видите, березовая роща — так называемая Абрамцевская посадка, она создана самим хозяином: береза — его любимое дерево.

В разговорах не заметили, как подошли к добротному сколочен-

ной из березовых жердей скамейке, стоящей чуть в стороне от дороги.

— Тут, — говорит моя спутница, — Лев Николаевич любил посидеть, поразмышлять. Вообще, лес для него был местом и отдыха, и творчества. Сейчас покажу вам тот самый могучий дуб, под кроной которого в «Анне Карениной» пряталась застигнутая грозой Кити Щербацкая с ребенком... Помните?

Дубу этому уже более двухсот лет. Подходит ближе, и я вижу великана, но без коры и кроны. Он отжил свой век, и его как бы забальзамировали. Теперь он не сгниет, останется памятником своего былого величия.

— Есть тут, — поясняет Светлана Николаевна, — и служба наблюдения и лечения яснополянского леса. Ее специалисты тщательно осматривают деревья, при необходимости очищая и «пломбируя» каждое из них. И особенно, конечно, те, что посажены самим Толстым.

СОЛНЦЕ уже было высоко. Яснополянский лес сиял белыми лоскутами берез, легкий ветерок откуда-то доносил запах свежескошенного сена. Уходить отсюда не хотелось, но моя спутница все чаще поглядывала на часы: приближалось время, когда она должна вести группу экскурсантов по дому Льва Николаевича.

Мы заговорили о тех страшных испытаниях, которые судьба уготовила дому во время оккупации Ясной Поляны гитлеровскими захватчиками. А было это так, рассказывала Светлана Николаевна: самые ценные мемориальные вещи, фамильные реликвии успели упаковать и отправить в глубокий тыл — в Томск. Но не все удалось вывезти в те черные дни. Некоторые вещи жители села хранили у себя, кто где мог. Многие все-таки оставались в музее. Когда сюда пришли гитлеровцы, несмотря на висевшую на доме надпись по-немецки, которая указывала, что это музей великого писателя, они превратили его в казарму. Взломали шкафы, изуродовали мебель, расхитили вещи. А когда отступали, в трех комнатах разожгли костры и на доме оставили надпись: «Заминировано».

И, несмотря на этот страшный знак, чуть только удалились последние мотоциклисты, сотрудники музея, рискуя жизнью, бросились в дом тушить пожар. Им помогли местные жители. Только мужество и самоотверженность патриотов спасли пенаты Толстого от уничтожения. Вскоре уже тут начались реставрационные работы. В воссоздании прежней обстановки горячее участие принимала внучка писателя Софья Андреевна Толстая-Есенина. Уже в мае 1942 года в полупустые комнаты музея пришли первые экскурсанты.

...Вот и двухэтажный дом, по снимкам и рисункам знакомый всему миру. Дом, где жил человек, одаривший мир несравненными творениями ума и сердца. Более пятидесяти лет эти стены были свидетелями трудов и размышлений, радости и печали хозяина.

Войдем и мы под этот гостеприимный кров. Мелодичный бой часов, встретивший нас, напомнил о времени. Эти англий-

ские с башенкой напольные часы XVIII века вызвали свою мелодию и тогда, когда тут был Толстой. И все тут — и шкафы с фолиантами, и мебель, и фамильные портреты, и картины, и сотни фотографий, его письменные столы, ручки, которыми он писал, вещи, к которым он прикасался, книги, которые читал, — все сохранено, все на тех же местах, как и при жизни хозяина. И все это составляло безбрежный мир Толстого, мир его духовной жизни.

В доме — тысячи мемориальных предметов, хранящих память времени. Семья была на редкость многочисленной — тринадцать детей. Комнат много, но все в общем маленькие, кроме одной — зала-столовой, где собиралась семья, приезжавшие в дом друзья, люди искусства. В обстановке — никакой роскоши, все просто, ни одной случайной вещи. Все отмечено печатью любви и пристрастий Льва Николаевича и, конечно, уют, созданного заботой и руками спутницы всей его жизни — Софьи Андреевны.

И все-таки из огромного множества реликвий, что наполняют этот дом, хочется выделить его редкое книжное богатство — библиотеку Толстого — в ней 22 тысячи томов на 35 языках народов мира. На страницах многих томов оставлены пометки Толстого. Уже сам этот факт — красноречивое свидетельство широты интересов, глубины познаний гениального мыслителя и художника.

ГИГАНТСКАЯ фигура Толстого, его огромная роль в жизни своей страны и мира неизменно влекли к нему многих выдающихся современников — писателей, художников, музыкантов, общественных деятелей не только России. Как вспоминает М. В. Нестеров, в Ясной Поляне все клокотало около Толстого, он собой, своим духовным богатством, великим своим талантом, помимо воли, одаривал всех, кто соприкасался с ним... В яснополянский дом к Толстому приезжали Тургенев и Фет, Чехов и Горький, Лесков и Короленко, Репин и Крамской, Ге и Стасов, Танеев и Аренский... В этих стенах слышали игру знаменитых музыкантов, тихие беседы и горячие споры о литературе, искусстве, жизни народа и судьбах России.

Люди, знавшие Толстого, оставили ценнейшие страницы воспоминаний о великом писателе. Но, пожалуй, не менее дороги и свидетельства, созданные кистью живописца, резцом скульптора, мимолетными штрихами карандаша. Эти бесценные — для нас и наших потомков — портреты, скульптуры, картины, созданные знаменитыми художниками, есть во многих комнатах и составляют особый аромат этого дома.

Здесь — портрет Толстого, написанный Крамским. Художник работал одновременно над двумя портретами — для Третьяковской галереи и для семьи писателя. Это о них Стасов позже скажет: «Оба портрета Толстого вышли у него истинными шедеврами, неценными изображениями великого русского писателя в эпоху средних его лет...» Но, конечно же, не менее интересен и ценен портрет кисти великого Репина. Они и ныне висят в зале на своем привычном месте, как и при хозя-

По комнатам дома мы ходим с его хранителем Верой Васильевной Ионычкиной — одним из старейших работников музея, которая знает тут все, едва ли не больше, чем в своей квартире. В разгар дня в тесных проходах дома трудно разминуться с группами экскурсантов.

Святая святых дома — кабинет писателя с его письменным столом, за которым создавались «Война и мир» и «Анна Каренина». Тут — незамысловатые письменные принадлежности, кожаная шкатулочка для бумаг, пресс-папье, подарки и фотографии, особенно дорогие писателю. И книги, необходимые в работе. Тут старинный диван из старого родительского дома. С этим «кожаным истертым диваном, обитым гвоздиками», мы встречаемся в «Детстве», «Войне и мире», «Анне Карениной» и в других произведениях. На этом диване родился сам великий русский писатель, родились его дети...

В этой комнате за этим столом он испытывал ни с чем не сравнимые муки творчества и радости. И тут мы словно прикасаемся к таинству творчества. Известно, как трудно давалось гениальному художнику начало произведений. У «Войны и мира» их было пятнадцать, в «Анне Карениной» автор остановился только на двенадцатом варианте двадцать раз он перерисовывал портрет Катюши Масловой.

А жил великий человек, сжигая себя в работе, заботах и думая о судьбе народной. Уже с 1882 года в его дневниках и письмах появляются записи о желании порвать с ненавистной ему барской средой, слиться с иной, чистой и честной жизнью людей труда. И вот 28 октября 1910 года Толстой приводит в исполнение давно вынесенный приговор себе и всему тому, что окружало в некогда любимом доме. В холодную осеннюю ночь, погасив свечи на письменном столе, он вышел из кабинета, чтобы никогда сюда не вернуться...

Нет-нет, это не семейный разрыв 82-летнего старца. Это была попытка решить давно назревший духовный кризис человека, бросившим вызов самодержавию, церкви и всему строю социальной несправедливости.

ИНОЙ жизнью живет теперь всемирно известная Ясная Поляна. Идут и идут сюда люди, в дом Толстого...

После смерти мужа Софья Андреевна дважды обращалась к правительству и царю с просьбой приобрести Ясную Поляну и тем сохранить для потомков могилу и мемориальные комнаты писателя. Ответом была многозначительная резолюция Николая II (20 декабря 1911 года): «Нахожу покупку имени графа Толстого правительством недопустимой». От разорения и гибели Ясную Поляну спасла победа Октябрьской революции. Усадьба и все, что было на ее территории, стали предметом забот и внимания Советского правительства. Вот как свидетельствует об этом запись в «Ежедневнике» Софьи Андреевны Толстой: «Нам большевики все дают и нас ничем не обижают».

В трудные дни 1918 года Совнарком издал постановле-

ние об охране имени «Ясная Поляна»; как имеющая исключительную культурно-историческую ценность» усадьба вскоре получила охранную грамоту от Наркомпроса. В 1919 году сюда приезжал Михаил Иванович Калинин, который глубоко интересовался ее состоянием, беседовал с С. А. Толстой. В июне 1921 года было опубликовано постановление ВЦИК о национализации усадьбы «Ясная Поляна». В нем говорилось: «...Как Дом-Музей, со всей его обстановкой, так и могилу Л. Н. Толстого, лес, ее окружающий, и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе и, вообще, весь внешний вид последней, — поддерживать и сохранять в историческом и неприкосновенном виде...».

Как вспоминает В. Бонч-Бруевич, редактировал постановление В. И. Ленин, который «всегда чтит память Толстого».

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, посетивший родину великого русского писателя Л. Н. Толстого, в книге почетных посетителей дома-музея оставил запись: «При посещении Ясной Поляны замирает сердце — здесь жил и творил величайший русский писатель, гений мировой культуры, произведения которого останутся источником мудрости для новых и новых поколений. В произведениях Льва Толстого полно и широко отразился характер русского народа. Их пронизывает мысль о решающей роли народных сил в истории, о неразрывной связи между человеком и родной землей...».

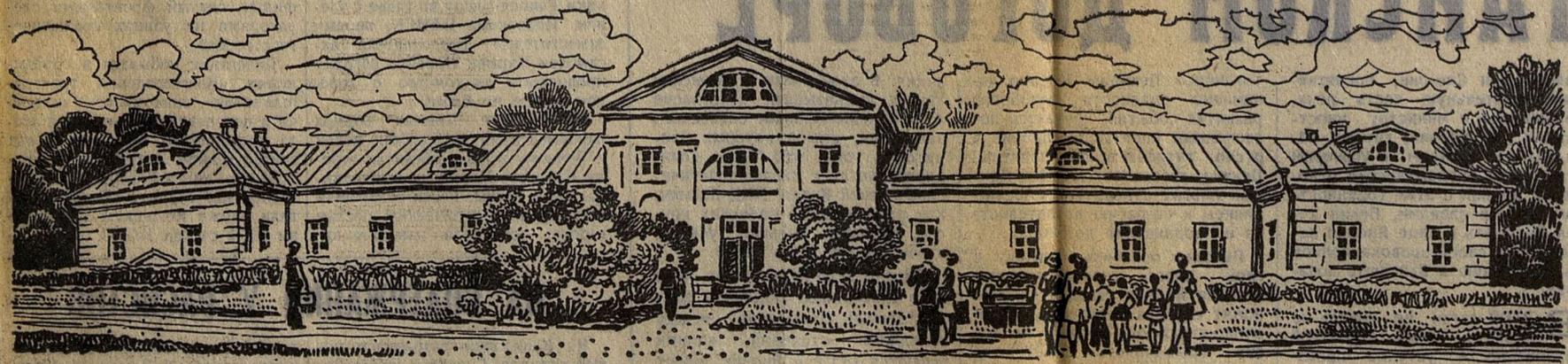
Сейчас в усадьбе все, как было при жизни писателя, шумят, как и прежде, кроны деревьев, посаженных им. В эти дни тут открыта выставка «Толстой и советская культура», а также новая литературная экспозиция, в которой раскрывается огромная роль Ясной Поляны в творчестве художника, в его нравственных и философских исканиях, в его общении с народом.

Великий Толстой давно снижал всенародную любовь, а его творения навсегда вошли в наши сердца и души. Когда-то он написал: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней...» А мы теперь имеем все основания сказать, что не можем представить себе нашу жизнь без Ясной Поляны.

МЫ ПОКИДАЕМ дом Толстого. Навстречу идет пареня с огромной охапкой гладиолусов и роз. «Это куда же?» — осведомилась Вера Васильевна. «Розы на могилу Льва Николаевича, гладиолусы — прошу поставить в комнаты его дома...» «Так много!» — воскликнула она. «Толстой заслуживает большего...» Я спросил парня: кто он? «Рябинов, рабочий-строитель из Новомосковска, — ответил посетитель. — Очень люблю книги писателя. Да и может ли быть иначе: не любить Толстого, значит, не любить Родину...»

Почти пять миллионов человек прошло за годы работы музея по священной земле великого писателя. Сюда никогда не зарастет народная тропа...

Петр КОСОЛАПОВ.

Ясная Поляна.

Рисунок А. Михайлова.